

ПАТЕРНАЛИСТСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

О.И. Оськина
(Россия, Астрахань)

В статье анализируются проблемы современного политического процесса в России. Патерналистские традиции выступают важнейшим фактором, оказывающим определяющее влияние на динамику современного российского политического процесса.

This article analyzes the problems of the modern political process in Russia. Paternalistic traditions are an important factor determining influence on the dynamics of the contemporary Russian political process.

Ключевые слова: демократия, политический процесс, этатизм, патернализм, политическая культура.

Key words: democracy, political process, etatism, paternalism, political culture.

Начало нового столетия для России ознаменовалось значимыми изменениями в политическом процессе и формированием новой социальной, политической и экономической реальности. Происходят изменения в политической системе, в механизме функционирования государственной власти, политических институтов, в политической культуре общества. Термином «процесс» обычно характеризуют определенное движение, какой-либо ход, порядок движения, имеющий направление или последовательную смену состояний, стадий, эволюционирование. Также под процессом понимается совокупность последовательных изменений и действий для достижения какого-либо результата [18].

Изменение в широком смысле включает в себя все эволюционные процессы, а также возникновение новых явлений в мире, поэтому такие категории, как политическое изменение и политическое развитие, тесно связаны с понятием «процесс» и соотносятся друг с другом [15].

Политический процесс – это совокупная деятельность социальных общностей, общественных организаций и групп, отдельных лиц, преследующих определенные политические цели. В узком смысле – деятельность социальных субъектов по осуществлению политических решений [16, с. 42].

В макроаспекте политический процесс определяется как динамическая характеристика политической системы в целом, последовательная смена ее состояний, стадий развития. При анализе политического процесса рассматривается в основном воспроизводство политических институтов и их функций, механизмы функционирования, адаптации, преемственности и сохранения политической системы [8, с. 57]. Микроуровневые исследования под политическим процессом понимают некую равнодействующую сумму акций различных социально-политических субъектов, то есть совокупность субпроцессов или микропроцессов.

Различные страны мира имеют совершенно разные характер и уровень динамичности, а также направленность политических процессов. Часто возникают ситуации, когда в одном макрополитическом процессе действуют два и более разнонаправленных и неоднородных субпроцесса. Значимость случайных явлений и событий особенно заметна на микроуровне. Однако общий характер политической деятельности как целедостижения, а также институциональный и прочие контексты данной деятельности (правила, определенные формы и способы поведения, традиции, господствующие ценности и т.п.) делают политический процесс в целом упорядоченным и осмысленным. Он представляет собой логически разворачиваемую последовательность взаимодействия между субъектами. Таким образом, политический процесс – целостное явление, поддающееся структурированию и научному анализу.

Структура политического процесса может быть описана с помощью анализа взаимодействия между различными политическими субъектами, а также посредством

выявления его динамики (основных фаз политического процесса, их смены). В связи с этим большое значение приобретает выяснение факторов, влияющих на динамику политического процесса [2, с. 115–146].

Можно выделить две группы факторов политического процесса: внутренние и внешние. К внешним факторам относится среда (социально-экономические, социокультурные и прочие условия) и ее воздействие, системные, но внешние для данного политического процесса политические обстоятельства, внешние политические события и т.п. К внутренним можно отнести такие параметры, как характеристика субъектов, их целей и намерений, распределение властных ресурсов, логика политического процесса.

Крупнейшие представители социологии политики и политологи в своих исследованиях уделяли серьезное внимание интерпретации политических реалий с различных теоретических и методологических позиций. Анализ субъективных и объективных факторов, оказывающих влияние на выбор конкретных политических стратегий и протекание политического процесса, занимает в их работах значительное место.

Французский обществовед О. Конт сделал ставку на эмпирические исследования конкретных общественных реалий с целью выявления факторов их развития, нахождения как причины зарождения идеалов свободы и справедливости, так и обстоятельств возникновения деструктивных сил и раздоров. В соответствии с традициями позитивизма, О. Конт объяснял социальные и политические изменения усредненным уровнем развития членов общества, прежде всего – их интеллектуальным и демократическим потенциалом [10].

По мнению английского ученого Г. Спенсера, основополагающие структурно-функциональные изменения в ходе политического процесса происходят в обществе лишь по мере того, как до них дорастает средний уровень его членов в культурном, научном, интеллектуальном, демократическом отношениях [17, с. 134]. Цивилизованный характер взаимоотношений личности и государства может сложиться лишь в результате их эволюционного «созревания». Это особенно актуально для современной России, где темпы реформирования властных структур не соответствуют адаптационным возможностям социума. Выход из сложной ситуации Г. Спенсер видит в качественном взрослении среднего уровня человеческого потенциала, во внедрении и утверждении лучших, честных, доброжелательных образцов поведения, способствующих преодолению аномии и девиантного поведения [17, с. 135].

Глубокий анализ иррационально-бессознательных и деструктивных факторов, влияющих на поведение людей в политическом процессе, осуществил психолог, социолог, создатель психоанализа Зигмунд Фрейд. Движение от коллективного бессознательного к доминированию коллективного и индивидуального сознательного, по его мнению, осуществляется через развитие культуры. Поступательное развитие культуры способствует созданию земных благ и знаменует собой исторический прогресс в упорядочении человеческих отношений вообще и политических в особенности, ибо «каждая культура создается принуждением и подавлением первых позывов» [19].

Изучение и интерпретации образцов типичного поведения людей, в процессе которого создается социальная реальность, – одна из центральных проблем в социополитической теории М. Вебера. Социальные действия, по мнению М. Вебера, выступают движущими факторами всего человеческого существования в его универсальности [6, с. 625–628].

Выдающийся американский ученый Т. Парсонс подверг критике веберовские теории, абсолютизовавшие индивидуальную и общественную рациональность. Он считал, что для процесса перехода от социального порядка, основанного на властном насилии, к порядку с культурной легитимизацией нужен не только значительный уровень индустриализации, информатизации и образовательного потенциала народа, но и – в качестве необходимых и достаточных условий – культурные основания в виде либерально-демократических ценностей, достижимых социальных статусов, значительного расширения ролевого плюрализма, а также им адекватных институциональных структур и функций [13, с. 162].

Современные политические процессы на рубеже веков приобрели новые черты. Так, английский ученый А. Гидденс выделил три основные черты, определяющие характер современности и современных политических процессов. Первая – неимоверно возросшая скорость изменения всех процессов в обществе. Вторая – это глобальность пространства, на котором происходят изменения, что несопоставимо со сферой изменения во всех традиционных обществах. Третья особенность заключается в том, что изменения затронули внутреннюю природу современных институтов, а также существенным образом трансформировали политическое положение индивида в контексте повседневной жизни. По словам А. Гидденса, необходимо изучать то, как трансформируются индивиды, их знания, политические симпатии и антипатии под влиянием изменений институтов современности, и то, как индивиды, в свою очередь, оказывают воздействие на происходящие политические процессы [7]. Современность, в трактовке А. Гидденса, выступает как предельно широкое понятие, включающее в себя и социально-политические институты, и способы мышления и поведения людей, которые приобретают в наше время подлинно всемирно-историческое влияние [22].

Одним из важных параметров характеристики современных политических процессов, происходящих в обществе, является сосуществование общественно-политических укладов разных исторических эпох и изменение характера общественно-политических отношений в сторону неопределенности. Согласно теории структуризации А. Гидденса, облик общества формируется не под влиянием какой-то имманентной тенденции, присущей, например, России как определенной социокультурной системы, и не благодаря преднамеренному проекту, который пытались и пытаются реализовать политики. Общество, прежде всего, есть результат социальных изменений, которые складываются из совокупности преднамеренных и непреднамеренных действий, повседневного поведения, микросоциальных практик простых россиян [2, с. 207].

Большинство подобных практик, уводит нас в отдаленную историю этатистско-патерналистских взаимодействий политических субъектов, пронизывающих все институциональные структуры российского государства.

В связи с этим можно говорить о влиянии на специфику политического процесса России ряда факторов, ключевым из которых выступает геополитическое пространство, на котором произошло формирование российского государства и особой социокультурной системы этатистской ориентации. Этатизм, здесь выступает как укоренившаяся практика преобладания идей государственной власти над частной жизнью людей, гражданским обществом, религией и, даже, моралью, что, безусловно, можно отнести к особенностям русской национальной культуры и всему политическому процессу.

В России государство воспринимается, по выражению Э. Баталова, как «становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [4]. В условиях отсутствия гражданского общества, такое восприятие отражало значимую роль государства, в течение всего исторического периода, включая и советский, когда необходимо было удержать победу социализма в капиталистическом окружении, мобилизовать массы для великих свершений. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому большевистская власть сделала все возможное для сохранения этатистской направленности советской политической культуры [3]. В постсоветское время этатистская традиция была ослаблена, однако современность доказала устойчивость и воспроизводимость подобных практик во всех сферах жизнедеятельности общества.

Известный немецкий ученый М. Вебер, исходя из положения о том, что культурная неоднородность общества создает основу для существования двух версий политического процесса, сконструировал два «идеальных типа», которые соответствуют двум типам политической культуры: *неэтатистской* (демократической) и *этатистской* (технократической, авторитарной) [6, с. 626]. Согласно М. Веберу, историческое развитие политического процесса идет по пути увеличения рациональных социально-политических действий всех участников процесса. Формирование неэтатистской политической культуры происходит на основе их целерациональных дейст-

вий, обусловленных соображениями интереса, преимуществами или невыгодами. В результате этого складываются условия для рационализации межличностных демократических отношений во всех сферах общественной жизни.

Опираясь на веберовскую методологию, можно отметить, что пока в нашей стране не получили достаточного развития целерациональные действия индивидов. Соответственно, не сформировались институты гражданского общества, которые предполагают развитие индивидуализма, личной ответственности.

В российском политическом процессе и традиционной политической культуре, как полагает В. Пфайлер, исторически не развивалась культура компромисса, не были разграничены мировоззренческие и политические ценности. Это во многом, с его точки зрения, обусловлено отсутствием в России таких социокультурных явлений, как Возрождение и Реформация, вследствие чего здесь не получили развитие и не утвердились ценности индивидуализма, свободы совести, толерантности. Не было в России и собственного Просвещения. Оно было «импортировано» в Россию во времена Екатерины II. В результате, считает В. Пфайлер, в России не возникли и не получили распространения ни рациональный тип мышления, ни рациональные способы государственного управления [23].

Надо отметить, что попытки Российского государства рационализировать политический процесс неоднократно предпринимались. Однако данная деятельность шла вразрез с политикой этатизма и укоренившимися политическими патерналистски ориентированными практиками, поэтому и не получила широкого распространения.

При всем многообразии определений и широкой трактовке, понятия «этатизм» и «патернализм» близкие, но содержательно различные, соотносятся между собой как общее и частное. «Этатизм» от франц. *état* – государство, чаще всего рассматривается и употребляется для характеристики направления политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития.

«Патернализм» буквально от лат. *paternus* – отцовский, отеческий – тип взаимодействия между правящими элитами и неэлитными группами, при котором первые гарантируют социальную поддержку и защиту нижестоящим группам в обмен на лояльность и поддержку с их стороны [5].

Патернализм предполагает существование линейной структуры взаимоотношений в обществе, иерархически упорядоченных парных ролей: на одной стороне – «отца», «патера», «патрона», на другой – «ребенка», «клиента». Можно также выделить организующие нормы, которые выстраиваются по патриархальному семейному принципу. Цель, осуществляемая патернализмом как социальным институтом современного общества, по замечанию М.Н. Афанасьева, – дать «убежище: он отвечает потребности индивидов в защите от нарастающего отчуждения и давления анонимных социальных механизмов» [1, с. 82]. В отличие от привязки «этатизма» и этатистских практик к государству, патернализм предлагает иную, неофициальную, форму социальной интеграции. Действия участников патерналистских институтов определены соответствующими ценностями, а их верное исполнение поддерживается выработанными санкциями. Подобная система отношений исторически сложилась в Российской империи, а затем была воспроизведена и в Советской России. Советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (патера) в отношении доступа к базовым благам выполняло государство. Это осуществлялось посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования производства некоторых продуктов и услуг. В этом заключался советский патернализм, который пытались изжить более двадцати лет [9].

Патернализм, и советский, и современный в частности, основан на харизматическом типе господства, в терминологии М. Вебера. «Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника... есть прямо-таки *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить с себя он не может и не имеет права» [6]. Властные отношения в этом варианте в высшей степени персонализированы и

исторически обусловлены. Их содержательные и организационные характеристики опираются на культурную традицию и соответствующие социальные условия.

Данный тип отношений соответствует вертикально-ориентированному политическому процессу, который характеризуется стихийностью и выстраиванием взаимодействия между участниками сверху вниз. Органы государственной власти, выполняют роль управленческой подсистемы этого процесса, формулируют цели и принимают решения. В случае вертикально организованного политического процесса подданные признают авторитет власти, которая гарантирует членам общества определенную свободу. Смысл взаимоотношений государства и подданных сводится к определению законов «правильного» поведения и управляющих, и управляемых. Центральная роль личности представлена на всех уровнях государственно-общественной лестницы вплоть до нижних ее этажей, где она приводит к складыванию клиентелистских отношений. Лидер предстает главным объектом патерналистских ожиданий, чему способствует живучая историческая память об «отцах-благодетелях», черпаемая из российской политической традиции. Реальные властные отношения регулируются скорее неформально – лично, а не на основе формализованных бюрократических процедур. Правила игры здесь являются продолжением традиции, правовой контроль за их соблюдением не предусматривается. Такие традиции формируют авторитарный тип личности, описанный Э. Фроммом в его работе «Бегство от свободы» [22, с. 141–148].

Современные политические практики являются прямым продолжением патерналистско-клиентальных отношений, сформировавшихся еще в советский период. Можно выделить несколько уровней функционирования патернализма «советского типа». Личный уровень: из-за смены ценностных моделей и неопределенности действующих в обществе ориентиров, усиливаются установки на воспроизводство старых, апробированных методов. Все контакты и взаимодействия, официального и неформального характеров, облекаются в личную форму. Возникает особый вид доверительной социальной связи между властью и имущими и зависимым от них населением. Каждый из участников процесса преследует свои интересы, при котором одни гарантируют поддержку и защиту другим группам в соответствии с иерархическим принципом, чем обеспечивают свою легитимность. На институциональном уровне, патернализм вызывается к жизни как один из механизмов выстраивания, конструирования институтов, в ответ на достаточно затянувшуюся процедуру формирования институциональной структуры российского общества. Акторы стремятся формулировать правила устойчивого взаимодействия, в основном, с уже знакомыми индивидами. Прежние личные контакты сегодня становятся ядром создаваемого института, поэтому последние по своей организации часто напоминают кланы. Такие институты всегда включают правило «свой – чужой», основываясь на котором, индивиды приступают к обмену ресурсами и решению других задач [21, с. 7–13].

Таким образом, в современном российском политическом процессе отчетливо прослеживаются устойчивые патерналистские традиции, которые можно отнести к «коллективному бессознательному», то есть архетипу культуры, усвоенному человеком в процессе социализации, и который управляет его поведением на уровне подсознания [14].

За период посткоммунистической трансформации в процессе политической социализации значительной части российского общества удалось принять и адаптировать главные демократические ценности. Однако они, в отличие от патерналистских механизмов, так и не стали реальным инструментом решения общественных проблем. Растет недоверие ко многим государственным, политическим и общественным институтам. Увеличивается политическая апатия, а нарастающие экономические проблемы и потребность их разрешения заметно сдерживают гражданскую и социальную активность населения [11, с. 6].

В условиях нарастания кризисных явлений все больше российских граждан рассматривают «этатизм государственной власти» как благо. Значительная часть населения испытывает потребность в государственном патернализме, а главной задачей

власти видится наведение порядка в стране и гарантированное удовлетворение базовых потребностей.

Однако данные установки вступают в определенное противоречие с представлениями политической элиты о назначении государства и патернализма, а также их роли и места в современном политическом процессе. Установка на искоренение патернализма – едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке современной России. В статье «Россия, вперед!» Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство... Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу <...> широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство» [12].

Таким образом, сложившиеся в политике полярные нормативные установки, отнюдь не этичестско-патерналистских практик, выступают сдерживающим механизмом на пути дальнейшей рационализации и максимальной эффективности организации политического процесса. Разумеется, исследовательские позиции ученых и политическая практика отечественных лидеров о природе, сущности и перспективах политического процесса в России не во всем совпадают. Однако многих из них роднит представление о «прозрачности» современного демократического политического процесса. Для одних она выражается в возможности построения матрицы, позволяющей получать определенный набор характерных черт такого процесса, для других – в выработке рационального поведения в соответствии с принципами своей политической культуры. Третьи используют рационализм для создания научных программ и идеологических установок, адекватных вызовам времени.

Так или иначе, важно, чтобы усилия всех участников процесса были направлены на выработку согласованных позиций, обеспечивающих готовность общества к разумному компромиссу, эволюционному развитию и вере в то, что консенсус – некое свойство политического процесса, а не случайное состояние.

Государству и всему российскому социуму еще предстоит пережить нелегкий процесс модернизации и адаптации к меняющимся условиям, но уже сейчас видно, что от этого зависит не только судьба России, но и продление его несколько видоизмененной исторической миссии. В равной степени от того, какой вектор общественно-политического развития будет выбран, насколько государство и граждане сумеют видоизмениться и приспособиться к новым социальным реалиям, зависит характер, динамика и эффективность современного политического процесса.

Список литературы

1. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России / М. Н. Афанасьев. – М. : МОНФ, 2000.
2. Ашин Г. К. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозаннский. – М. : Экзамен, 2001.
3. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России / Н. А. Баранов. – СПб. : БГТУ, 2004.
4. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Баталов // Pro et Contra. – 2002. – № 3.
5. Большой энциклопедический словарь. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990.
7. Гидденс Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М., 1999.
8. Ильин М. В. О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии / М. В. Ильин // Полис. – 1992. – № 2.

9. Кара-Мурза С. Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение / С. Г. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://www.rossii.ru/content/view/full/170/10008/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Конт О. Дух позитивной философии / О. Конт. – СПб., 1910.
11. Костиков В. Кто от Ленина ушел? / В. Костиков // АИФ. – 2010. – № 31.
12. Медведев Д. А. «Россия, вперед!» / Д. А. Медведев // 10.09.2009. – Режим доступа: www.kremlin.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект пресс, 1997.
14. Патернализм в политической культуре России. – Режим доступа: <http://nicbar.narod.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Политическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. проекта Г. Ю. Семигин ; науч.-ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999.
16. Политологический словарь : в 2 ч. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 42.
17. Спенсер Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социс. – 1992. – № 2.
18. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1981.
19. Фрейд З. Введение в психоанализ / З. Фрейд // Лекции. – М.: Наука, 1995. – Лекции 29–35.
20. Фромм Э. Бегство от свободы : пер. с англ. / Э. Фромм. – М., 1989.
21. Шушкова Н. В. Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции / Н. В. Шушкова // Социологический журнал. – 2007. – № 1.
22. Giddens A. Modernity and Self-Identity / A. Giddens. – Stanford, 1991.
23. Pfeiler W. Historisch Rahmenbedingungen der russischen politischen Kultur / W. Pfeiler // Russland auf dem Weg zur Demokratie? Politik und Parteien in Russischen Federation. – Paderborn, 1993.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В ЕВРОПЕ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА*

О.В. Манцорова
(Россия, Астрахань)

Настоящая статья направлена на изучение процесса адаптации и интеграции участников программ культурного обмена в «чужое» общество на примере программы *Au-Pair*. Автор рассматривает условия и причины, способствующие удачной адаптации и интеграции, а также условия, препятствующие данным процессам, описывает видение европейской семьи и европейской ментальности извне сквозь призму восприятия участников программы *Au-Pair*. По результатам исследования предложены рекомендации по улучшению условий интеграции участников программ культурного обмена.

The article aims at the study of the adaptation and the integration of participants of cultural exchange programmes into “strange” society in terms of Au-Pair programme. The author considers the factors and causes, favoring and hindering an adaptation and integration, and describes the external imaging of European mentality through the impressions of Au-Pair participants. The guidelines for the improvement of the conditions of cultural exchange programme participants’ integration are represented in accordance with the findings.

Ключевые слова: программы культурного обмена, Au-Pair, молодежь, адаптация, интеграция, семья, чужой менталитет, чужая культура, чужие обычаи, понимание, толерантность, миграция.

Key words: cultural exchange programmes, Au-Pair, young people, adaptation, integration, family, strange mentality, strange culture, strange customs, understanding, tolerance, migration.

Современный этап развития нашей цивилизации ознаменовался колоссальными по размаху миграционными процессами, активное участие в которых принимает молодежь. Глобализация предоставляет молодежи огромные возможности для человеческого общения, взаимообогащения культур, распространения знаний и потенциалов развития, расширения горизонта понимания сложности и богатства окружающего мира за счет снятия непроницаемости государственных и информационных границ.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-33-00395а2 «Другой» в семье.